

Перед вами художественный вымысел. Имена, персонажи, организации, места и события созданы воображением автора. Любые совпадения с реальными событиями или людьми, живыми или мертвыми, являются целиком и полностью случайными.

Пролог

Крики Шайло прорезали воздух. Подобрав подол ночной рубашки, я мчалась сквозь тьму. Внезапно забеспокоившись, малышка принялась выгибаться у меня на руках и издала очередной вопль. Затрепетав от страха, я поспешно накрыла ее ротик ладонью. Теперь маленькое тельце содрогалось в беззвучных рыданиях. Тогда я, упав на колени, сунула ей в рот свой большой палец, надеясь таким образом ее уговорить. Она тут же затихла.

Слава богу.

Сердце гулко ухало у меня в груди, легкие пылали огнем. Я украдкой оглядела окружающий лес. Казалось, что я уже многие часы бегаю кругами. Я не смогла бы ответить ни где нахожусь, ни куда направляюсь, ни бывала ли я там раньше, однако все это не имело значения. Мне необходимо было двигаться вперед.

Я мельком взглянула на Шайло. Посасывая мой палец, та уставилась на меня широко распахнуты-

ми глазами. Она всегда просыпалась от голода. Я чмокнула ее в лобик, напоминая самой себе, что все это — ради нее. Ради нее я пошла бы на все.

— Потерпи, маленькая моя, прошу, потерпи, — прошептала я.

В лесу отнюдь не было тихо, и каждый звук заставлял меня вздрагивать. Я была уверена, что в любую минуту один из них явится и схватит меня. Или хуже — заберет Шайло. Что они утащат ее к нему. Что, если ее заберут, а меня бросят здесь?

Я поднялась на ноги, крепко прижимая ее к себе. Нам нельзя было оставаться на месте. Прикрыв ее головку своей шалью, я вновь двинулась вперед. Корни и ветки впивались в мои ноги как колючая проволока. Ничего. Я ускорила шаг. Камни больно ранили мои босые ступни. Мне хотелось только одного — передохнуть, но останавливаться я была не вправе. Шайло вскоре должна была проснуться снова, это было лишь делом времени, и в следующий раз моего пальца могло быть уже недостаточно. Ее плач привел бы их прямо к нам. Этого нельзя было допустить. Я просто не могла этого позволить. Я рвалась вперед, невзирая на изнеможение, которое волнами накатывало на меня всю ночь, заставляя пульсировать голову. Когда наконец у меня мелькнула мысль, что я не смогу больше ступить и шагу, деревья внезапно расступились, и перед нами открылась широкая поляна. Я поспешила вперед — в кровь впрысну-

Когда она вернулась

лась очередная порция адреналина, позволившая мне собрать остатки сил, чтобы пересечь опушку и выбраться на шоссе.

И вот они прямо передо мной — неоновые лучи, тянущиеся к небу.

Перебежав на другую сторону шоссе, я устремилась к заправке. Шайло встрепенулась и заплакала, но это теперь уже было не страшно.

— Теперь можно кричать. Кричи сколько хочешь! — воскликнула я.

Возле двух колонок никого не было, но внутри павильона горел свет. Я бросилась к двери, дернула ее и отскочила назад, когда та не поддавалась. Я дернула снова.

Ничего.

Дверь не открывалась. Я принялась стучаться в окна.

— Нет!

Плач Шайло стал больше похож на вопли ужаса. Яростно крича, я снова забарабанила в дверь. Весь этот путь... Я проделала весь этот путь! Слезы катились по моим щекам. Сопли затекали в рот. Бесформенной грудой я повалилась на асфальт перед павильоном.

— Эй? — мужской голос заставил меня оцепенеть, а затем подпрыгнуть. Прижав Шайло крепче к груди, я отпрянула назад, к стене. Мужчина глядел на меня сквозь толстые линзы очков. От него пахло дымом. На бейдже под логотипом «Амоко» было написано имя *Мэтт*.

Люсинда Берри

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — С вами все в порядке?

Сумев встать на ноги, я буквально на него набросилась.

— Прошу вас, прошу, вы должны помочь мне! — взмолилась я, вцепившись в его рубашку. — Звоните в полицию! Прошу вас! Меня зовут Кейт Беннет.

Глава 1

Эбби

Сейчас

Я нервно теребила цепочку на шее. Внутри небольшого медальона скрывалась мамина фотография — я носила его с тех самых пор, как мама исчезла. Пять лет назад мы в конце концов ее похоронили, только проводить похороны в отсутствие покойной оказалось непросто. Папа уверял меня, что это нормально и что люди повсюду так делают, — можно подумать, еще хоть у кого-то из ребят мама ушла в магазин и больше не вернулась. Вместо классических похорон мы провели красивую поминальную службу, а потом похоронили некоторые особенные для мамы вещи — скрипку, записи ее лучших выступлений, копии писем, которые она писала папе, фотографии, запечатлевшие важные события или нашу троицу в отпуске. Ну и всякое такое. А теперь она вернулась к жизни.

Никто не возвращается после смерти. Мне все еще казалось, что это сон, который должен вот-вот подойти к концу, и тогда я проснусь.

Я бросила взгляд на папин затылок. Длинные влажные волоски на его шее лежали завитками — обычно они завивались, когда папа занимался спортом. Только на этот раз вспотеть заставила его не физкультура, а нервы. Он сидел на пассажирском сиденье, напряженно притопывая правой ногой, а за рулем была Мередит. Она настояла на том, что будет вести машину. В другой ситуации папа бы возмутился, но сейчас промолчал. Он вообще по большей части молчал с тех пор, как они с Мередит вывалили передо мной эту новость.

Я поняла, что что-то не так, в ту самую минуту, когда они вошли в мою комнату без стука. Папа всегда стучался, прежде чем войти. Мередит, на шаг позади, в буквальном смысле поддерживала его, подталкивая вперед сквозь дверной проем. Она вся побледнела, и у нее дрожали руки, но в сравнении с отцом Мередит выглядела хорошо. Папины зрачки расширились — так сильно, что перекрыли все зеленое пространство радужки. Папа держал глаза распахнутыми так долго, словно забыл, как нужно моргать. Никогда я не видела его таким подавленным. Я вскочила с кровати, на которой делала домашку по биологии.

— Что случилось, папа? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. Но папа смотрел мимо, словно не замечая меня. Не отрывая взгляда он смотрел

Когда она вернулась

в окно за моим письменным столом, как будто видел снаружи нечто очень для себя важное. — Пап?

— Я... что ж... — Папа сделал попытку справиться с охватившими его эмоциями, и его кадык заходил вверх-вниз. Скользкое от пота, папино лицо приняло пепельно-серый оттенок. — Если мы...

Может, у него сердечный приступ? Удар? Зачем тогда они теряют здесь со мной время, если ему плохо?

— Что происходит? — Я повернулась к Мередит. — Что случилось, Мередит?

— Мы только что получили весьма шокирующее известие, — голос Мередит оборвался. — Почему бы нам всем не присесть к тебе на кровать?

Может, что-то стряслось с Калэбом. Или с Тадом. Но разве тогда они бы не дали мне знать? Нет, если бы что-то стряслось с сыновьями Мередит, плохо было бы ей, а сейчас она помогла отцу дойти до моей кровати, словно он — инвалид, так что дело, очевидно, было в нем. Что-то случилось с папой. Мой худший кошмар. Мой худший кошмар с тех пор, как я потеряла маму, — потерять папу. Меня охватила тревога. Стараясь выровнять дыхание, я изо всех сил вдавила ступни в домашние туфли, чтобы почувствовать, что все происходит на самом деле, — так много лет назад меня научил делать психотерапевт. Я опустилась на кровать рядом с папой, сцепив лежащие на коленях руки в замок и ожидая, пока кто-то из них, наконец, заговорит.

— Скотт, ты должен объяснить Эбби, что происходит, — прервала панический ход моих мыслей Мередит.

Папа повернул лицо ко мне. Его зрачки все еще были расширены. Папины скулы задвигались, и он проговорил:

— Нашли твою мать.

Мама.

Я осела на постель, совсем как воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух. У меня отнялись ноги и руки.

— Она... она?..

— Жива, — ответил папа.

Я не особо вникла в то, что он еще говорил — что-то про Монтану, — поскольку моя голова шла кругом от роящихся в ней мыслей. И теперь, сидя в машине, мчавшейся по шоссе, я все еще ощущала головокружение, вновь и вновь мысленно проигрывая свои воспоминания и пытаюсь представить, что должен чувствовать отец. Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мама исчезла с парковки торгового центра «Таргет ». Растаяла, как призрак, оставив ключ в зажигании, а сумочку — на пассажирском сидении, без каких-либо следов борьбы.

Мне было пять, когда это случилось, поэтому большинство самых ранних моих воспоминаний — о том, как мы с папой ходим по Аркате от двери к двери и раздаем листовки об исчезновении мамы. Мы стучались в каждую дверь и, если никто не открывал, оставляли листовку под дверью, тщатель-

но проверяя, не пропущен ли хоть один дом. Папа расклеивал детализированные карты местности на стенах нашей гостиной, выделяя разными цветами районы, которые мы уже обошли, и те, до которых мы еще не добрались. Люди осуждали его за то, что он меня везде таскал за собой, но они осуждали бы его в любом случае — в то время в любом его действии люди были склонны усматривать злой умысел. Никому не было дела до того, что он успешно прошел проверку на полиграфе. Его все равно подозревали.

Мы обивали чужие пороги почти два года. Каждый год в день маминого исчезновения по телевизору повторяли сюжет о ней — на кадрах видео папа умоляет ее вернуть. Затем приводилась скорбная статистика о пропавших без вести — согласно этим данным, чем дольше человек отсутствовал, тем меньше оставалось шансов найти его живым. Только папе было плевать на статистику. От всей души. Все кругом твердили, что ее нет в живых. Очевидно, все они ошибались, так как теперь мы направлялись в больницу, чтобы встретиться с ней.

Я немного подалась вперед и опустила руку папе на плечо, отчаянно желая взобраться к нему на колени и свернуться там в комочек. Не оборачиваясь, он пожал мою ладонь.

— Все в порядке, Тыковка? — спросил папа.

— Все хорошо, пап, — отозвалась я.

Разумеется, ничего не могло быть в порядке. Нам обоим это было очевидно, но что еще я долж-

Люсинда Берри

на была сказать? Я направлялась на встречу с матерью, вокруг мифа о которой строилось все мое детство. У меня не нашлось подходящих слов, чтобы описать это.

Я не так уж много помнила о маме, потому что, когда она пропала, я была еще очень мала. Зато папа был полон воспоминаний. Он знал маму почти так же хорошо, как самого себя, — они росли вместе и стали парой еще в старших классах. Папа постоянно делился со мной своими воспоминаниями, чтобы те стали и моими тоже. С годами для меня мама стала походить на какого-нибудь персонажа из фильма, засмотренного до такой степени, что в памяти отпечатались каждая строчка сценария. Я вглядывалась в ее лицо на фотографиях до тех пор, пока не выучила каждую черточку. Каждый локон. Каждую морщинку. Моя любимая фотография в желтой деревянной рамке занимала место на столике возле моей кровати. На ней мама стоит под сверкающими струями водопада, глядя куда-то вдаль, и широко улыбается, а в глазах у нее пляшут огоньки, словно она хранит какой-то забавный секрет. Папа часто повторял, что у нее был заразительный смех, и глядя на эту фотографию, я почти что могла его услышать. Мое сердце забилось чаще при мысли о том, что я смогу услышать этот смех собственными ушами. Вопрос только, в состоянии ли она теперь смеяться? У меня по телу пробежала дрожь. Полиция сообщила нам, что на руках у мамы был младенец. Это могло означать лишь одно.